

Часть первая

Глава 1

Солнце в зените, и жарит оно, и парит, тридцать градусов тепла — погода согласно прогнозу, синоптики не ошиблись. Но лето уже на исходе, осень рядом, казалось, махнула она невидимой рукой, и, расталкивая пласты теплого воздуха, к реке спустился прохладный ветерок, по воде пробежала рябь. По воде плыла белоснежная яхта, большая и красивая, а хозяином яхты был Глеб Варшавин.

Еще на прошлой неделе Родион Фомин радовался, когда снял дом у самой реки. Две комнатки, вода в колонке, удобства на улице, зато места лучше не найти, сидишь за столом под навесом из винограда, смотришь на реку, и душа отдыхает. А потом появился Варшавин — на своей яхте, и ведь не прогонишь его, нет у Родиона такого права. У Варшавина отпуск, и он может проводить его где угодно, хоть отправиться в кругосветное плавание. Из Дона выйти в Азовское, затем в Черное и Средиземное моря, а

дальше океаны, яхта Варшавина большой волны не боится. Но ему океаны без Леры не нужны, вот, если она вдруг согласится отправиться с ним, ну, например, в круиз по Средиземноморью, завтра его здесь уже не будет. И Леры тоже.

Но Лера с ним не хочет: ей лучше в саманном домике с Родионом, чем с Варшавиным на его яхте за два-три миллиона евро. Варшавин мог подарить ей целый мир, а она выбрала Родиона, поставив свою подпись в книге учета браков. Варшавин пытался уничтожить Фомина, для начала, разрушил его карьеру, отправил его участковым в донскую станицу, после в ход пошло сфабрикованное дело, а затем и киллеры. Родиона собирались убить, однако в лужу сел сам Варшавин. Но с него как с гуся вода. Родион заключил с ним перемирие, а с Лерой — брак, она вышла за него замуж и перебралась на Дон. Только вот Варшавин отступаться от нее не собирается. И его яхта наглядное тому подтверждение.

Лера твердо решила работать по специальности, с первых же дней жизни на Дону устроилась в районную больницу — врачом в приемном отделении. Сегодня ночью она дежурила, утром должна была смениться, но уже обед, а ее все нет. Родион и сам сменился совсем недавно. Участковых как бы не положено привлекать к суточным дежурствам, но дефицит кадров не только в больницах, но и в отделах МВД. Попросили его отработать смену в следственно-оперативной группе, он отказываться не стал. И ночью даже повидался с женой. Соседи повздорили, один другого пырнул ножом, рана не серьезная, но потерпевшего забрала «Скорая по-

мощь», следовательно куда-то подевался, и Родион сам отправился в больницу. Дело пустяковое, но всю ночь пришлось провозиться, в общем, скучать не пришлось.

Сегодня Фомину полагался отгул, но некогда отдыхать. И в участке нужно побывать, и занятия по рукопашному бою отменять нельзя, ребята к вечеру подойдут, не хотелось бы их разочаровывать. А после занятий домой, из Пшеничной до Верховерской всего восемь километров, от опорного пункта до съемной квартиры — десять. Не так уж и много, каждый день на обед можно приезжать. И работа, надо сказать, несложная, если сравнивать с Москвой, там Родион руководил отделом в оперативно-разыскной части. В столице темп работы бешеный, а здесь он уже стал привыкать к размеренно-спокойному течению жизни. Под одной крышей с любимой девушкой, которая стала наконец-то его женой. Все хорошо, одно плохо — Варшавин. Он ведь не просто так здесь, на измор берет, ну нравится ему издеваться над Родионом. И Леру все надеется вернуть.

Лера не могла сдать Варшавину на милость, это исключено, но в то же время нет ее дома, где она?

В кармане завибрировал телефон, Родион глянул на дисплей. Принимая вызов, он посмотрел на яхту, вдруг Лера звонит ему с борта этой пиратской посудыны.

— Родик, ты уже дома? — с чувством вины спросила Лера.

— Обед разогреваю. Тебя жду.

— Может, лучше ты ко мне?

— Не понял. — Фомин снова глянул на яхту. Вдруг Лера в лапах Варшавина, и ей требуется помощь?

— Полицейского к нам привезли, с черепно-мозговой травмой.

Родион и понимал, что Лера не может быть с Варшавиным, но все равно выдохнул с чувством облегчения. И спрашивать ничего не стал, просто сел в машину и отправился в путь. До больницы всего ничего, пешком пять минут спокойным темпом — неспроста они с женой искали дом именно в этих кварталах, поближе к работе.

«Полицейским» оказался печально известный Слава Стенькин, еще один соперник Родиона в делах сердечных, во всяком случае, молва о том ходила. Только вот Лера здесь совершенно ни при чем. Из-за Майи сыр-бор случился. Только вот на Родиона зря наговаривают. Майя, может, и хотела от него чего-то, но ему нужна была только Лера, не мог он ей изменить. Да и не пытался.

Слава сидел на кушетке, тупо глядя на Леру, а если точнее, куда-то сквозь нее. Казалось, он совершенно не реагировал на внешние раздражители. Голова перебинтована, крови на повязке нет. И на операционный стол его, похоже, класть пока не собирались.

— Закрытая травма? — спросил Родион, глядя Стенькину в глаза.

— Закрытая, — кивнула Лера. — Удар тупым твердым предметом в теменную часть черепа. Переломов нет, но похоже на ушиб головного мозга.

— Насколько тупым, насколько твердым?

— Не знаю. Но даже кожа не повреждена, — пожала плечами Лера. — Шишка только большая и, возможно, внутренняя гематома мозга... Возможно, нужна операция.

— А специалисты?

— В Ростов нужно везти. Я уже поставила руководство в известность, — вздохнула Лера.

Красивая она. Необыкновенная глубина в глазах, бездонная, глянешь — и пропал. Не зря Варшавин с ума по ней сходит, все успокоиться не может. И Стенькин мог в нее влюбиться. Но сейчас он смотрел на Леру, не замечая ее. И майор Фомин для него не существует.

— Слава, ау! — Родион повел рукой перед глазами Стенькина. — Ты меня видишь?

Слава смотрел куда-то сквозь него, но тем не менее кивнул. Да, он видел Родиона.

— Ты меня помнишь?

Слава отрицательно качнул головой.

— Налицо все признаки амнезии, — сказала Лера и зачем-то провела пальцами по голове Стенькина, проверила, как держится повязка на ней.

Она ведь терапевтом в московской поликлинике работала, а сейчас на ней все: и хирургия, и травматология. Опыта маловато, поэтому она волнуется, переживает.

— Отшиб головного мозга, говоришь? — усмехнулся Родион.

— Ушиб... Ну да, отшиб, — невесело, одним только краешком губ улыбнулась Лера.

— Бумерангом память отшибло?

Лера удивленно посмотрела на мужа:

— Почему бумерангом? Его сзади ударило...

Родион улыбнулся. Она рассуждала правильно, если бумеранг, то подразумевается удар в лоб. Но Родион говорил о бумеранге в переносном смысле.

И трех месяцев не прошло, как он появился в Пшеничном, и столько всего за это время успело произойти. Стенькин ухлестывал за Майей, она же собиралась замуж за Гуляева, но увлеклась Родионом. Замуж Майя все-таки вышла, но Стенькин продолжал бегать за ней. И Родиону станичная молва приписывала такие же страдания, поэтому, когда пропал Гуляев, под подозрение попали они оба. Кто-то из них мог ударить Семена топором по голове. Ударить, убить и похоронить. Но Семена ударили по голове обычной палкой, и нашелся он довольно-таки быстро. Однако версию с топором Родион отработывал на полном серьезе. О том он сейчас и вспомнил. Тем более что Семен получил удар тоже по теменной части головы. Правда, память ему не отшибло.

— Помнишь, как Семен топором на тебя замахивался? — спросил Родион.

— Какой Семен? — Стенькин попытался сфокусировать на полицейском взгляд. Он и хотел вспомнить Гуляева, но не мог.

— А Майю помнишь?

— Майю? — нахмурился Слава.

— А себя помнишь?

Выглядел Стенькин так, как будто его по кустам всю ночь таскали, причем пиная при этом. В кровь не избивали, ни синяков на лице, ни ссадин, если не

считать небольшую царапину под ухом. Но и лицо у него перепачканное, и одежда. Форма на нем — белая рубашка без погон, синие брюки с красным кантом, и мятая форма, и грязная, как будто Славу в пыль втапывали. Может, в траве где-то валялся, на пыльной земле.

— Откуда у тебя форма?

— Какая форма? — не понял Слава.

— Полицейская. — Голос у Леры звучал куда мягче и нежнее, чем у Родиона.

— Полицейская? — удивился Слава.

Казалось, он хотел глянуть на свои руки и ноги, но не мог оторвать взгляд от Леры. Сейчас он смотрел на нее осмысленно.

Родион качнул головой. А ведь форма на нем не полицейская. Брюки синего цвета, кант красного — форма явно сотрудников Следственного комитета. Именно эту структуру и представлял Варшавин. Тридцать два года ему, а он уже полковник юстиции. Что вовсе не удивительно. Давно уже замечено, чем выше сановник, чем ближе он к власти, тем талантливее у него дети. А отец у Глеба Варшавина персона высочайшего ранга, у него и власть и деньги. Очень большие деньги.

— Откуда у тебя форма? — повторил вопрос Родион.

— Я не знаю.

— Не помнишь?

— Нет.

— А с какого момента помнишь?.. Как в больницу привезли, помнишь?

— Да, — кивнул Слава.

Парень он рослый, крепкий, но и Варшавин такой же комплекции. Только вот нравом Слава покруче, драка для него милое дело, а Варшавин подобных инцидентов старается избегать. И каштаны из огня для него таскают другие. Но в то же время слабохарактерным Варшавина не назывешь, упертости его можно позавидовать.

— Еще что помнишь?

— Помню, как под кустом валялся, — пожал плечами Стенькин.

— Ночью, днем?

— И ночью было... И днем... Ночью вырубил, а днем очнулся, под кустом...

— Когда днем? Где?

— Не знаю когда. И куда идти, не знаю. Сиж, понять ничего не могу, кто я такой, что здесь делаю.

— Где китель?

— Китель?.. А-а, китель!.. Что такое китель, знаю, а кто я сам такой...

— Стенькин Вячеслав Павлович из станицы Пшеничной.

— А вы сами кто будете?

— Участковый, майор Фомин.

— У майора одна звезда, да? — Стенькин ткнул себя пальцем в плечо, туда, где должен находиться погон.

— Одна.

— А у меня три было, — сказал Слава, с надеждой глянув на Леру. Вдруг она признает в нем полковника, вдруг восхитится им. Но Лера уже занималась своими делами, предоставив парня Роди-

ону. Только посматривала за Славой иногда — как за своим пациентом.

— Ты не полковник, — разочаровал Славу Фомин.

Форму полковника Следственного комитета Стенькин мог раздобыть в этих местах у одного только человека — Варшавина. Возможно, украл у него или одолжил.

— Да я тоже думаю...

— Кто такой Варшавин, ты знаешь? — спросил Родион.

Лера кивнула, глянув на него. Ну, конечно, если полковник, то Варшавин, как она сразу не догадалась?.. А о том, что Варшавин снова раскинул сети, она уже знала, Родион ей говорил.

Якорь яхты Варшавин бросил неподалеку от хутора у железнодорожного моста. На хуторе всего три дома, зато причал длинный и, главное, у берега глубоко, именно то, что нужно. Варшавин еще место под стоянку искал, а Родион уже знал о его появлении. И под наблюдение взял.

Варшавин не спешил наводить мосты к Лере. Бросил якорь, снял дом на хуторе, из Москвы ему пригнали машину, вчера его видели в станице, вроде как с Майей разговаривал, заигрывал с ней. Может, на нее глаз положил, но, скорее всего, это какой-то хитрый ход с его стороны. И у мужчин в ходу такой прием, и у женщин — заигрывать с одним, чтобы заинтриговать другого.

— Не знаю.

— А Майя Туманова кто?

Лера задержала взгляд на Родионе. Майя бежала за Фоминым как влюбленная дура, и, конечно же, Варшавин знал об этом. И Леру просветил, без всякого зазрения совести, приврав об ответных чувствах со стороны Родиона. Лера ему не поверила — и правильно сделала, но осадок в душе остался.

— Не помню, — пожал плечами Стенькин.

— Сейчас она Гуляева. Замуж за Семена Гуляева вышла, знаешь такого?

— Да нет.

— А то, что ты в Майю влюблен, помнишь? Она уже замужем была, а ты к ней все клеился. Игнат с топором на тебя бросался? Помнишь?

— Семен? Гуляев? — задумчиво сказал Стенькин.

— Вспомнил?

— Нет... Плохо мне что-то, голова кружится.

Слава заваливался набок медленно, Лера успела подложить ему под голову подушку.

— Где ты под кустом очнулся?

— На повороте, — пробормотал Слава, закрывая глаза.

— На каком повороте?

— А два дома там, один из красного кирпича, другой из белого. И поля, поля...

Родион кивнул, озадаченно глядя на Стенькина. От райцентра в сторону железнодорожного моста тянулась хорошая, асфальтированная дорога. В Пшеничную с нее сворачивали две дороги, одна гладкая, асфальтная, пересекающая центр станицы, другая грунтовая, в колдобинах. Грунтовая дорога проходила рядом с домом Тумановых и вдоль реки

тянулась до самой станицы. На перекрестке шоссе и этой грунтовки стояли два дома, один из белого кирпича, другой из красного. А с шоссе, проехав еще пять-шесть километров, можно было свернуть и на хутор у железнодорожного моста. Возможно, там на хуторе Стенькина и стукнули. Родион даже догадывался, кто мог это сделать.

Лера нервничала. Стенькин терял сознание, возможно, это признак предсмертного состояния, а помочь она ему не могла. Рану обработать, снимок рентгеновский сделать, капельницу поставить, таблетку дать, это пожалуйста, но мало. Возможно, Стенькина могла спасти только срочная операция. А в районной больнице нейрохирурга нет, больного нужно везти в область. А может, и в Москву.

— Я знаю, что делать, — в раздумье проговорил Родион.

А ведь он мог организовать Стенькину вертолет до самой Москвы и даже консилиум лучших нейрохирургов собрать. Скорее всего, овчинка не стоила выделки, но тем не менее он отправился в путь.

Яхта Варшавина прошла мимо Верховерской совсем недавно, возможно, судно встало на якорь напротив дома Туманова, красуясь перед Майей. Но, как оказалось, яхта пошла дальше, к своей стоянке у железнодорожного моста.

Родион уже подъехал к причалу, а яхта еще маячила вдалеке. У причала стучал молотком жилистый мужичок, от сильного загара похожий на сушеную мумию. Он сноровисто снимал старые доски и сразу же настил взамен новые.

Мужчина и без того торопился, но, увидев яхту, застучал молотком еще быстрее.

— Не помешаю? — спросил Родион.

— Помешаешь, — глянув на яхту, мотнул головой мужчина.

— Под яхту причал обновляешь?

— Тебе какое дело?

— Участковый уполномоченный майор Фомин.

— И что? — Загорелый остановился, быстро глянул на Родиона.

— Звонок был, под причалом бомба. Срочная эвакуация.

— Да мне тут совсем немного осталось!

— Ну так работай.

— А бомба?

— Может, и нет никакой бомбы. Но будешь плохо себя вести, эвакуирую. Право имею.

— А-а! — Жилистый отложил в сторону молоток, взялся за гвоздодер.

— Под яхту причал готовишь?

Родион повернул голову к ближайшему дому, возле которого под навесом стоял GLE Варшавина. Машина на месте, на выезде — яхта.

— Да.

— А дом под машину кто сдает?

— Я сдаю.

— Твой дом?

— Мой.

— Варшавин только машину у тебя держит или у него в доме еще и вещи?

— Варшавин?

— Хозяин яхты.

— Насчет вещей не знаю... — Мужичок поднатужился, сорвал доску и с досады крякнул.

Трухлявая доска лопнула вдоль, гвозди остались в балке, вытаскивай их теперь.

— А машину да, ставит. И Леон там его живет.

— Это кто?

— Леонид, его помощник...

— А этого знаешь?

Славу Стенькина Родион сфотографировал еще в начале лета. К дому Туманова, было дело, подкрадывались темные люди из Москвы, хозяин подумал, что это Славка, спустил на него собаку. Берту нашли утром с отрубленной головой, Туманов нашел Стенькина, избил его, вынудив Родиона вмешаться. Тогда Слава в кадр и попал. А сейчас Фомин вывел на экран своего смартфона его снимок.

Мужчина смотрел на Стенькина, одновременно выдергивая гвоздь из балки.

— Ну видел.

— Когда?

— Вчера.

— Здесь?

— Да, здесь... Ходил тут, все высматривал.

— Что все?

— Ну, на яхту смотрел... Хозяин с помощником своим уехал, а яхта осталась.

— И Стенькин остался? — Родион стукнул пальцем по дисплею.

— Да нет, он появился после того, как они уехали... А потом исчез.

— Как это исчез?

— Меня Антонина окликнула, я обернулся, а потом смотрю, нет никого. Как сквозь землю провалился.

— Может, на яхту поднялся?

— Не знаю... На яхте сигнализация, — пожал плечами мужчина. — Глеб Станиславович предупредал.

— Глеб Станиславович? — усмехнулся Родион.

Хорошо, что Варшавин господином себя не заставлял величать.

— Да, сигнализация на яхте, и завоет, если что, и охрана прилетит на вертолете!

— Понятно, — усмехнулся Родион.

Насчет летающей охраны Варшавин, скорее всего, загибал, а сигнализация вряд ли выдумка. Тем более что про сигнализацию Слава не знал. Забрался на яхту, проник в каюту, там Варшавин его и прищучил.

— А Варшавин, хозяин яхты, когда вернулся?

— В это же время и вернулся, когда Стенькин этот ваш исчез.

Яхта подходила к причалу, постепенно сбавляя ход. Большая машина, моторная, двухпалубная, метров двадцать длины. За штурвалом в закрытой рубке помощник — широкоплечий мордастый парень. Родион видел этого типа, но справки о нем не навел. Понял, что он и капитан яхты, и телохранитель ее хозяина в одном лице.

Леон повернул яхту носом к берегу, выровнял судно и плавно пристал к причалу. Жилистый помог ему пришвартоваться, Варшавин же появился только после того, как телохранитель опустил трап.

— Фомин! — с небрежностью повелителя мира поморщился Варшавин. — Завтра приходи, я по пятницам не подаю.

Фомин улыбнулся ему — как зритель перед которым появился долгожданный клоун.

— Кто я? Полковник Варшавин?

— Что, страшно стало? Вдруг я уже генерал, да?

Варшавин выглядел бодро, свежо. Высокий, статный, породистый. К тому же чертовски богатый. Такой мужчина просто обречен на успех у женщин. Но что-то не ладилось у него. Или с Майей все-таки наметился успех? Не зря же Слава крутился у его яхты.

— И где твой генеральский мундир?

— Будет. Обязательно будет. Ты в этом даже не сомневайся.

Остановливаясь, Варшавин вяло махнул рукой. Так уж и быть, уделит он Родиону немного внимания. Мимоходом. Но это всего лишь спектакль. Варшавину даже идти некуда. В саманный дом на две-три комнатки? Вряд ли. На яхте у него как минимум одна просторная каюта — фешенебельная, со всеми удобствами. И машина ему сейчас не нужна. Хотя кто его знает. Может, к Майе намылился. Или даже к Лере.

— А где полковничий мундир?

— Могу одолжить майорский... Или тебе лучше в капитанском? — съязвил Варшавин.

— Мне лучше с человеком, который дорожит честью своего мундира. Где твоя форма, Варшавин?

— Что это с тобой, майор? Голову напекло?

— Голову напекло Стенькину. Он сейчас в больнице, с черепно-мозговой травмой. Знаешь такого?

— Стенькина? — Родион нехотя достал из кармана смартфон, снова вывел на экран изображение Стенькина.

— Узнаешь?

— Видел, — не сводя глаз с портрета, кивнул Варшавин.

— Где?

— Это допрос?

— Стенькина доставили в больницу в твоей форме.

— В моей форме?!

— Ты брал с собой на яхту свой мундир?

— Брал...

— Где он?

— Ну где, на месте... Ты это серьезно?

— Я хочу посмотреть на твою форму.

Варшавин кивнул, не мигая глядя на Родиона, повернул к яхте, поднялся по трапу. Родион за ним, но Леня-Леон перегородил ему дорогу.

— Стоять!

Парень смотрел на Фомина грозно, но в его взгляде не чувствовалось желания посмеяться, поглумиться над участковым. Да и в любом случае Родион не должен был связываться с охраной. Варшавину морду набить — это он с удовольствием сделал бы, а его телохранитель ему не интересен, во всяком случае, пока.

Варшавин появился минут через пять, нахмуренный, озадаченный.

— Нет формы! — глядя на Родиона, качнул он головой.

— Но была?

— Была. Я на всякий случай с собой взял.

— Стенькина вчера видели возле твоей яхты.

Возможно, он поднялся на борт.

— Быть этого не может.

— Поднялся на борт, а тут вы с Леоном появились, парень спрятался.

— На яхте?

— На яхте, — кивнул Родион. — А вы его нашли, ударили по голове и вывезли на дорогу.

— Леон, ты кого-нибудь на яхте находил? — спросил Варшавин, внимательно глядя на своего помощника.

А вдруг Леня действительно ударил Стенькина без его ведома?

— Нет.

— Кого-нибудь бил?

— Да не было никого на яхте.

— А спрятаться на яхте можно? — спросил Родион.

— Слона спрятать можно, — свысока глянул на Фомина Варшавин.

— А со Стенькиным ты где познакомился?

— Познакомился... Так, погоди, он в моей форме был?

— Китель ты с него снял, — кивнул Родион.

— Какой китель? Не снимал я ничего!.. Стенькин так сказал?

— Не помнит он ничего, память потерял. Амнезия у парня. Только ты не радуйся, это пройдет.

— А я радуюсь?.. Ты видишь, что я радуюсь?

— Я вижу, что тебя не в те степи занесло. Спокойно здесь без тебя, а как ты появляешься, так и начинается...

— Я Стенькина твоего и пальцем не тронул.

— Откуда ты его знаешь?

— Откуда я его знаю... Ну, виделись, — замылся Варшавин.

— Где виделись? Когда?

— К Майе мы подплыли...

— Подплыли? — усмехнулся Родион.

— Подошли, — поправил начальника Леон.

— Майя на пристани стояла, там, у своего дома. Ну я спросил... А я должен тебе рассказывать? — вдруг скривился Варшавин.

— Должен. — Родион смотрел в глаза Глеба пристально, с чувством непоколебимой уверенности в своих силах.

— Стенькин этот в больнице?

— С черепно-мозговой травмой. И в твоей форме.

— Мы с Майей разговорились, а тут этот Стенькин. Она увидела его, закричала — на него, на меня. И ушла. А Стенькин матом на меня выругался.

— И ты затаил обиду?

— Да я больше его и не видел.

— Когда это было?

— Позавчера.

— А вчера ты снова с Майей говорил?

— Ну да, встретил случайно в станице.

— Случайно? И здесь ты случайно? — Родион кивком указал на яхту.

— А это не твое собачье!

— Значит, и пальцем Стенькина не тронул?

— Нет.

— Я тебе не верю.

— Да мне все равно.

— А надо, чтобы я поверил. Надо Стенькину память вернуть. Отправь его в Москву, пусть профессора ему память вернут... Или боишься?

— Да не трогал я твоего Стенькина!

— Пусть он сам это скажет.

— Я и сам могу память вернуть, — глянув на яхту, с усмешкой сказал Варшавин.

— Перемотать назад? — правильно понял Глеба Родион.

Действительно, яхта была оборудована и сигнализацией, и системой видеонаблюдения. Сигнализацию, возможно, забыли включить, но камера должна работать независимо от нее.

Варшавин смерил Родиона нарочито-небрежным взглядом, как будто решал, можно ему подняться на борт или нет. Наконец, разрешая, кивнул.

— Можно перемотать запись даже при тебе.

И снаружи яхта казалась большой, и внутри просторная. На первой палубе вместительная кают-компания, за ней спальня с широкой кроватью. Лестница вела в нижние каюты, и там наверняка все в цветах красного дерева. Роскошь просто потрясающая. И все это могло принадлежать Лере. А она выбрала маленький саманный домик и работу в затхлой районной больнице. Но ведь все могло измениться в любой момент. Лера еще могла повернуться к нему лицом.

Варшавин плеснул себе в хрустальный бокал немного виски, Родиону даже не предложил. Сам вывел на экран изображение с видеокамер. И действительно, Стенькин попал в кадр. Вчера в шестнадцать десять поднялся на борт яхты и пропал в ее недрах. Минут через пятнадцать после этого появились Варшавин и Леон. Один остался на яхте, другой спустился по трапу. Потом тишина. Стенькин появился в двадцать пятнадцать, было уже темно, но у пристани горел фонарь, да и прожектора с яхты светили. Никто Стенькина не подгонял, голова целая, без бинтов, и шел он с оглядкой, опасаясь преследования. А под мышкой держал свернутую в рулон форму Варшавина, тускло блеснула звездочка на погонах.

— Вот сволочь! — выругался Глеб.

— Заходи кто хочешь, бери что хочешь!

— Вот-вот!

Варшавин взял чистый стакан, бросил в него лед, плеснул виски, подал Родиону.

— Да пошел ты!

Сразу надо было предлагать. Он бы отказался, но молча.

— А ведь это ты, Фомин, Стенькина этого ко мне отправил! — неожиданно заявил Варшавин.

— А Леон твой на берегу был, когда Стенькин уходил? — спросил Родион.

— На берегу.

— И камер там нет.

— Думаешь, Леон мог перехватить Стенькина?..

Другого предположения я от тебя и не ожидал.

— Кто-то ударил Стенькина. И очень крепко ударил.

— Леон точно не мог... Он бы сказал...

— Стенькин скажет. Память вернется, и он скажет.

— Я за твоим Стенькиным не выходил, — кивком указав на экран телевизора, сказал Варшавин. — С меня взятки гладки. Проваливай, Фомин, утомил ты меня!..

Увы, но Родион пропустил мяч в свои ворота. Если Стенькина ударил Леон, то с него и надо спрашивать. А если вдруг бил Варшавин, то ему ничего не будет. Ну, продержат его пару суток в изоляторе, и на этом дело против него закончится. Папочка в лепешку разобьется, но вытащит своего отпрыска из любого дерьма, еще и Родиона крайним сделает.

— Да я-то пойду. А ты уплывай. Плохие здесь места для таких водоплавающих, как ты. Вчера Стенькин попал, а завтра ты пропадешь.

— Это угроза?

— Уплывай! — поворачиваясь к Варшавину спиной, сказал Родион.

— Не трогал я твоего Стенькина! — донесся вслед Фомину голос Глеба.

— Уплывай, пока не поздно.

Родион кивком указал в сторону Москвы. Все нехорошие истории в этих степях начинались с мелочей. В случае с Тумановым сначала погибла его собака. И убили ее киллеры, которые прибыли по душу Туманова. В девяностых годах дружок Туманова расстрелял невесту на свадьбе, метил в ее отца, а потом в дочь. Отец поклялся отомстить, он нашел Туманова, дождался, когда Майя пойдет под венец,

тогда на дело и вышли киллеры. Хорошо, Родион вовремя подоспел.

А в следующий раз помогать пришлось самому себе. Тогда киллеры прибыли по душу самого Родиона. Началось все с провокации. Нанятые Варшавиным спецы ударили Гуляева палкой по голове. Родион стал искать преступников и угодил в ловушку. Но ничего, выкрутился и даже получил признание, уличающее Варшавина в провокации против Гуляева. Родион прижал подлеца, но раздавить его не смог. Пошел с ним на сговор, Варшавин пообещал оставить их с Лерой в покое, но и месяца не прошло, как он снова путается под ногами. И неизвестно, какая пакость у него на уме.

— Я могу забрать этого Стенькина в Москву! — крикнул вдогонку Варшавин.

Но Родион даже не остановился. Не хотел он, чтобы Варшавин ехал в больницу, виделся там с Лерой, говорил с ней. Но в то же время и отговаривать его не собирался. Если со Стенькиным произойдет нечто страшное, вина ляжет на Леру, а она и без того привлекалась к ответственности за врачебную ошибку. И ведь это Варшавин тогда раздул из мухи слона.

Глава 2

Заканчивается лето, дни все короче, ночи все холоднее, а завтра уже осень. Завтра первый день нового учебного года, Майя отправится в свой колледж — молодая, красивая, но в статусе замужней женщины.

Майя вздохнула, взяла полотенце, спустилась к своему квадроциклу.

— Ты куда? — звонко спросил в спину жены Семен.

— Да прокачусь, — не оборачиваясь, буркнула девушка.

Не любила она своего мужа, но уже привыкла к нему. Не слюбилось еще, но уже стерпелось. Не так уж и страшно с ним идти по жизни. Вернее, стоять: детей рожать, по дому хлопотать, быт устраивать — какое ж это движение вперед? Семья, может, и не болото, но засасывает.

— Купаться?

— А что, нельзя?

— Илья уже давно в воду ходил, а ты все бегаешь.

Майя и не знала, когда празднуется Ильин день, но сама природа подсказывала, что в августе. Не принято после этой даты ходить на реку, но за июнь—июль так купаешься, что и не хочется больше. Да и не тянуло ее в августе на реку, а на днях вдруг захотелось.

— А это уже точно в последний раз. Все, закончились каникулы.

— Знаю, куда тебя в последний раз несет. На белую яхту!

Майя резко развернулась к мужу, сначала выстрелила в него взглядом, затем посмотрела насмешливо. Среднего роста он у нее, худой, чахлый, соплей перешибить можно. И трусливый. Когда на свадьбе стреляли, он в штаны навалил. Отец Майю